

ПАМЯТНИКЪ

ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ,

ОТНОСЯЩІЙСЯ КЪ ИСТОРИИ НАШЕГО ВОГОСЛУЖЕНІЯ ВЪ XVI В.

Печатаемый ниже памятникъ находится въ сборникѣ Соловецкой библіотеки № 872, л. 65—72. Сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ: Василія Великаго „Слово учительное и предѣлоустроительное же о крещеніи“, Толковую Литургію и затѣмъ нѣсколько каноническихъ, литургическихъ и другихъ посланій и отрывковъ. Есть здѣсь, между прочимъ, грамота грузинскаго царя Александра къ великому царю и государю и великому князю (имени не означено), помѣщенная 1583 г. (зча). Самая же книга, какъ видно изъ надписи на первомъ листѣ, принадлежала митрополиту Исидору, разумѣется, новгородскому, который былъ новгородскимъ митрополитомъ отъ 1603 г. до 1609 г. Сборникъ относится, слѣдовательно, къ концу XVI в. или къ самому началу XVII. Печатаемый нами памятникъ помѣщенъ здѣсь вслѣдъ за Толковою Литургіею и отдѣляется отъ нея только статьею: „св. Василія толкъ священническаго чиноу“. Въ такой же точно комбинаціи, т. е. послѣ Толковой Литургіи и статьи: „св. Василія толкъ священническаго чиноу“ встрѣчается этотъ памятникъ въ сборникѣ Императорской публичной библіотеки (XVII в.) № LVІ, л.

274 (¹). Ученый описатель рукописных сборников Императорской публичной библиотеки г. Бычковъ называетъ трактуемый нами памятникъ отрывкомъ изъ Толковой Литургіи. Памятникъ этотъ, дѣйствительно, имѣетъ характеръ отрывка, какъ это видно и изъ самаго начала: „яко не подобаетъ преллагати рѣчи въ святомъ писаніи“, но это не есть отрывокъ изъ Толковой Литургіи. Если это отрывокъ, то отрывокъ изъ какого-нибудь обличительнаго посланія, писаннаго кѣмъ-либо изъ пастырей русской церкви, можетъ быть московскимъ митрополитомъ Макаріемъ, которому приписываются наказные списки по Стоглаву и редакция самого Стоглава, или же кѣмъ-либо изъ другихъ отцевъ, присутствовавшихъ на стоглавомъ соборѣ.

Это наше предположеніе имѣетъ нѣкоторыя основанія частію во внутреннемъ сродствѣ нашего памятника съ тѣми главами Стоглава, которыя касаются богослуженія, частію же въ одномъ, недавно обозначившемся фактѣ, который прямо указываетъ на нѣкоторое, весьма тѣсное отношеніе печатаемаго нами памятника къ Стоглаву и именно къ девятой его главѣ. Фактъ этотъ слѣдующій. Въ одномъ изъ сборниковъ той же Императорской публичной библиотеки, именно LXXVI (начала XVII в.) л. 245 помѣщена выписка изъ девятой главы Стоглава, нѣсколько отличающаяся отъ печатнаго текста и сверхъ того имѣющая дополненіе, которое состоитъ въ очевидномъ родствѣ съ издаваемымъ нами памятникомъ. Мы приводимъ здѣсь это дополненіе по описанію А. Θ. Быкова (²). Вся выписка начинается такимъ образомъ: „Выписано изъ книги Макарія, митрополита всеа Россіи. Отвѣтъ соборной царскому α-му вопросу о церковномъ благочиніи“. Нач. „Да поищите въ достовѣрныхъ переводахъ яко да глаголется сие въ октеніи первой: миромъ Господу помолимся“.. и далѣе то самое, что на-

(¹) См. Описаніе рукописныхъ сборниковъ Императорской публичной библиотеки А. Θ. Быкова, ч. I. 1882 г. стр. 269.

(²) См. Описаніе стр. 392—393.

печатано въ казанскомъ изданіи Стоглава стр. 93—96. хотя и съ значительными отступленіями (жаль, что ученый описатель не указалъ подробно, въ чемъ состоятъ эти отступленія). Затѣмъ, послѣ словъ: „а инии: далъ еси, ино обое то не гораздо“, которыми оканчивается девятая глава Стоглава въ печатномъ изданіи, помѣщено слѣдующее: „О прокимнах. Мнози по самочинству поютъ прокимень: честна предъ Господемъ смерть святаго святителя его, или святителей его, а по существу пѣти: смерть преподобныхъ его, якожъ писано во псалтыри: кто Богу оугодитъ, то праведенъ и преподобенъ и святъ наречется, а во второй пѣсни і про самого Господа Моисей пишетъ: праведенъ и преподобенъ Господь. І другой троп. по существу пѣти: помолитесь і воздадите Господеву Богу нашему, нѣцыи же по самочинству поютъ: помолитесь Господеву і воздадите славу Богу нашему, і то не гораздо; пророкъ оубо Давидъ сію строкоу не о славѣ глаголетъ, но велитъ исполнити обѣты, елико кто обещаея Богови кое благо творити, да не воздастъ медлит. Да передъ Евангеліемъ ненаученные попы говорятъ: премудрость прости оуслышимъ святаго Евангеліа, а иныя: премудрость простимъ, а по существу надобе говорити: премудрость, прости услышимъ святаго Евангеліа, сирѣчь премудростію правою и простымъ смысломъ, сирѣчь оставивше вся земная і житейская помышленія, да вонмемъ, сирѣчь да внятно послушаемъ евангельскихъ писаній. Да въ исполнятися оуста наша, говорятъ: яко сподобилъ еси слоужащаго причаститися, и іныя говорятъ: служащихъ, ино то не гораздо, надобно говорити: яко сподобилъ еси нас. О сихъ всѣхъ разсудя святителемъ і оутвердити во святѣи соборней апостольстѣи церкви і по всѣмъ церквамъ і всему міроу на оутверженіе. И того ради не подобаетъ божественаго писанія по самочинству превращати, да не приметъ отъ человекъ поноса і оуничиженія і отъ Бога да не осудится съ раздиратели церковными“.

Сличивъ приведенный отрывокъ съ издаваемымъ ниже памятникомъ, не трудно усмотрѣть, что въ первомъ указываются почти всѣ тѣже нестроенія въ русскомъ богослуженіи и въ сокращеніи приводятся тѣже доводы въ ихъ обличеніе, какъ и въ послѣднемъ, и что въ обоихъ памятникахъ рѣчь кончается весьма характернымъ обращеніемъ къ русскимъ архипастырямъ, или, можетъ быть, къ собору русскихъ архипастырей, съ предложеніемъ исправить указанныя нестроенія по святому писанію и утвердить это исправленіе по всѣмъ церквамъ. За недостаткомъ данныхъ, мы не беремся рѣшать, который изъ указанныхъ памятниковъ стоитъ въ зависимости отъ другого: первый ли есть сокращеніе втораго, или же второй распространеніе перваго. Для насъ пока достаточно и того, что мы можемъ, на основаніи выше-сказаннаго, не сомнѣваясь, отнести издаваемую нами статью къ разряду тѣхъ памятниковъ, которые группируются около Стоглава и служатъ какъ бы его дополненіемъ. Значеніе его для исторіи русскаго богослуженія XVI в.—такое же, какое имѣетъ и Стоглавъ. Обличенія, заключающіяся въ немъ, по своему характеру и содержанію, и даже по формѣ, весьма тѣсно примыкаютъ къ подобнаго же рода обличеніямъ, встрѣчающимся въ различныхъ главахъ Стоглава, касающихся древне-русской богослужебной практики. Но кромѣ того, издаваемый нами памятникъ представляется намъ довольно замѣчательнымъ еще и потому, что въ немъ весьма вѣрно указывается одинъ изъ главныхъ источниковъ тѣхъ нестроений и разностей въ совершеніи богослужебныхъ чиновъ, которыя, хотя касались большею частію вещей несущественныхъ и даже маловажныхъ, но такъ обильно тогда „по всей землѣ расплодились, что могли въ велико вмѣнитися“—это собственные, какъ выражается авторъ, „домысли“ русскихъ совершителей богослуженія.

Наклонность совершителей богослуженія руководиться въ области богослужебной практики соб-

ственными „домыслами“, собственнымъ усмотрѣніемъ и разсужденіемъ, составляетъ одну изъ весьма видныхъ характеристическихъ чертъ русской религіозности XVI в. Въ сущности эта наклонность, какъ отраженіе живаго и искренняго отношенія къ религіи, не представляетъ собою ничего страннаго и ничего несообразнаго ни съ достоинствомъ церкви, ни съ существомъ дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, русская церковь въ XVI в. вступала уже въ VII в. своего существованія. Въ этотъ довольно длинный періодъ времени она успѣла разширить свои предѣлы на довольно значительное пространство, успѣла сдѣлать православіе какъ бы національнымъ русскимъ достояніемъ, успѣла образовать значительную православно-русскую литературу, выставить многочисленный сонмъ своихъ русскихъ чудотворцевъ — вообще успѣла окрѣпить настолько, что самостоятельное дѣйствованіе ея, особенно въ области церковной практики, должно представляться весьма естественнымъ; и это—тѣмъ болѣе, что церковно-богослужебная практика далеко не есть такая область, гдѣ бы все было строго опредѣлено однажды на всегда и гдѣ бы ничто не подлежало измѣненію. Вселенская православная церковь всегда допускала здѣсь широкій прогрессъ и предоставляла значительную свободу дѣлать измѣненія, дополненія и сокращенія, смотря по обстоятельствамъ и потребностямъ лицъ, времени и мѣста, не только цѣлымъ мѣстнымъ церквамъ, но и отдѣльнымъ архипастырямъ и даже настоятелямъ приходовъ. Съ развитіемъ московскаго самодержавія и съ паденіемъ греческой имперіи и юго-славянскихъ царствъ, въ концѣ XV и особенно въ XVI в., въ русской церкви проявилось, повидимому, особенно сильно стремленіе воспользоваться этою свободою. Не только соборы и епископы, но и частныя лица спѣшати проявить свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Въ Новгородѣ, въ концѣ XV в., Геннадій, архіепископъ новгородскій, издастъ свое собственное сокращеніе употреблявшагося въ то вре-